

Птичий дух в твоём доме

Оливер Майерс

Птицы — создания зачастую довольно глупые, но ничего дурного в них нет. Они, как правило, милы в достаточной степени для того, чтобы это перевешивало их идиотизм. Чтобы не вызывать желания свернуть набок тонкую шею.

Оливер, в целом, относится к птицам неплохо. И всё-таки зашибает одну едва ли не в первый свой день в Линь Ян Шо.

Несмотря на то, что населён монастырь плотно и недостатка в людях нет, здесь удивительным образом сохраняется почти непуганная природа. Птицы, так уж непуганные дуры точно — не то чтобы от них не было отбоя, но здоровой наглости в них явно куда больше, чем положено трепетным пернатым. Одного разожравшегося голубя Оливер выставляет из своей комнаты сразу же при заселении. Это не самое приятное начало жизни, и мальчик тратит немало времени на то, чтобы параноидально перетряхнуть комнату, проверяя каждый угол и каждую щель. Вдруг полоумные пернатые уже успели свить здесь гнездо.

Гнезда, по счастью, не обнаруживается, но на этом птичья история не заканчивается. Вечером за Оливером зачем-то увязывается настырный весёлый воробей. Он кружит рядом так, словно ожидает, что мальчик вот-вот рассыпется сдобными хлебными крошками, что-то неужённо чирикает на своём, на воробьином, а в конце делает попытку следом за мальчиком и в комнату пролезть.

Оливер никак не ждёт такой наглой прыти, когда пытается закрыть дверь, и расторопный до одури воробей оказывается прихлопнут к косяку.

Спешно распахнутая дверь ничему не помогает. Воробей валится вниз трогательным комком перьев, а Оливер даже наклониться за ним не пытается. Тело будто наливается свинцом — не пошевелиться, с места не стронуться, — а Оливер стоит и тщетно пытается сообразить, как так вышло, почему-то упорно опуская вопрос "что теперь делать".

Розмари Лайонс

Сама еще толком не выбравшаяся из подросткового возраста, к подросткам младшего возраста Розмари относилась более чем спокойно. И потому британка начисто проигнорировала панику, которую попыталась было развести Лавиния — "ах, Боже-Боже, в соседнюю комнату подселили мальчишку, он же нам теперь жизни не даст". Это еще надвое сказано, это никому пока неизвестно. А посмотрев на мальчишку, из-за которого было столько шума, поближе, Розмари немедленно сделала для себя два вывода: а) это, конечно, не паинька-ботаник, сидеть на заднице ровно да за книжечкой непрерывно он не будет, но при этом б) на совершенно невменяемую оторву он не тянет, а значит, едва ли переплюнет по масштабам разрушительности остальных учеников. Значит, можно спокойно жить как раньше.

Или нет, не так спокойно как раньше, это, пожалуй, был поспешный вывод.

Возвращаясь вечером с тренировки, Розмари удивилась, когда увидела, как ее

новый сосед торчит соляным столбом на террасе, в самом дверном проеме комнаты. Что бы он мог там забыть, что стоит как приколоченный и внимательно смотрит себе под ноги. Приглядевшись внимательнее, британка заметила на полу безжизненно скукожившийся комок перьев — и в ужасе рванула вперед, подумав, что это Ричи в очередной раз выбрался из клетки и попал под раздачу.

Со страху Розмари даже не сразу сообразила, что перья несколько не тропического оттенка, а значит, ее бестолковый попугай это никак не может быть. Только когда британка уже подбежала к мальчишке почти вплотную, до нее дошло, что пострадал самый обыкновенный воробей, значит, незачем рвать рубаху на груди и объявлять себя сиротой. Розмари длинно выдохнула, выравнивая дыхание, а потом на правах более старшей и опытной ученицы спросила умеренно строгим тоном: — Ну, и как тебя угораздило?

Оливер Майерс

Первую, наверное, минуту Оливер ещё надеется, что воробей просто шлёпнулся в обморок с перепугу, и старательно отгоняет мысль о том, что он, кажется, всё же слышал, как нежно схрупали птичьи косточки под ударом двери. Но, кажется, везению сегодня здесь не место. Птица не шевелится. Пока Оливер стоит и тупо смотрит на неё, успевает подбежать более взрослая ученица. Она мчится на всех парах так, словно это её личного воробья зашибло. И первым же словом начинает расспрашивать, что да как — будто без этого не ясно, что мальчик и сам ничего не понял.

— Он полез в дверь, а я его не заметил. Не знаю, как так вышло, — растерянно отвечает Оливер. Он не сентиментален по отношению ко всяческим животным, что домашним, что диким, но крохотная трогательная птица, которую он сам лично поломал — это совсем иное дело. И ведь правда, непонятно, как не заметил — видел же, что безбашенное пернатое вьётся вокруг него и всё лезет по пятам, но всё равно умудрился не обратить внимания на то, что птица лезет за ним в дверь. — И что теперь делать?

В первый миг широко заданный вопрос повисает в воздухе, но самое главное — что он уже задан. И теперь голова худо-бедно начинает думать; что ещё ценнее — думать не праздно, а в верном направлении. Оливер поднимает взгляд на белокурую ученицу и медленно, с расстановкой спрашивает: — Есть здесь какое-нибудь кладбище домашних животных? Или что-то ещё в таком духе? Куда можно закопать это полоумное животное, чтобы дух его обрёл покой? — Не бросать же на пороге. Восстанет ещё, и будет являться по ночам, призраком бледным и неприкаянным. Нафиг сдалось такое счастье.

Розмари Лайонс

Оглушительная растерянность на лице мальчика исключала, что он специально караулил птиц, чтобы с особой жестокостью прихлопнуть десяток-другой дверными створками. Хоть Розмари, как обладательницу более чем живого и очень говорливого попугая, и можно было с натяжкой причислить к гринписовцам и любителям живой природы, желание выругать мальчишку, у которого на физиономии только что крупной прописью напечатано не было, как он сам не в восторге от своего поступка и сам себя виноватым почитает, испарялось с поистине

потрясающей скоростью.

Вот только что искала глазами мухобойку, чтобы отвесить оплеуху-другую по бестолковой курчавой голове, а теперь ровно с тем же рвением уже начала искать лопату, чтобы помочь незадачливому ученику скрыть следы преступления.

— Про кладбище мне ничего не известно, — ответила Розмари, стараясь, чтобы это не прозвучало как "ты первый такой остопоп, который додумался убивать птиц, до тебя таких подвигов не было". — Но что мешает нам его организовать? Закопаем под каким-нибудь ближайшим кустом и никому не скажем, что что-то было. Давай, подбирай труп, — Розмари указала на комок перьев у ног мальчишки. В этом она собиралась быть принципиальной: сам прибил птицу, сам пускай ее теперь и носит. В идеале, вручить ему лопату и заставить сперва самому копать могилку, а потом самому же и закапывать. Такое воспитание немного отдавало мафиозными фильмами, но британка считала его правильным вопреки всему.

Она, конечно, покажет новичку, где взять лопату, а может, даже и поможет выбрать место для захоронения. Но не более того.

Оливер Майерс

— Ты вообще понимаешь, как хреново звучат слова "давай организуем кладбище"? — очень невежливо спрашивает Оливер. Он по-прежнему едва способен оторвать глаза от убитой птицы, но даже в таком состоянии ему очевидно, что озвученная белокурой ученицей мысль в том виде, в каком она произнесена, сейчас больше всего напоминает зарождение клуба анонимных маньяков и серийных убийц. — Нет уж, давай лучше скажем, что мы устроим единичное захоронение и понадеемся, что копать рядом вторую могилу нам никогда не придётся. Вот так. Тоже звучит не радужно, но уже много лучше.

Белокурая девица тем временем снова открывает рот — и лучше бы она молчала, честное слово. "Подбирай труп", надо же.

— Да ты просто генератор позитивных трескучих фраз, ты в курсе? — усмехается Оливер. Но послушно наклоняется за птицей, протягивая руку, — и в этот момент труп начинает трепыхаться.

— Вот же чёрт! — восклицает Оливер. Он распрямляется мгновенно, как сжатая пружина, и бьётся плечом о дверной косяк, пытаясь отскочить назад. Птица беспомощно трепыхается на полу, явно не способная ни расправить крылья, ни толком сдвинуться с места. Но вместе с тем она очевидно, беспощадно, безжалостно жива, и это вносит существенные коррективы в план "положить в яму и забросать землёй".

— Я не думаю, что в нашем лазарете могут подлатать побитую птицу? — уточняет Оливер, подавляя желание вцепиться в дверной косяк всеми четырьмя. Он, конечно, уже успел краем уха что-то услышать про магическое исцеление, но это же для людей, не для посторонней фауны — и это наводит на печальную мысль о том, что птице стоило помереть сразу, от этого всем бы было легче, включая её саму в первую очередь.

Розмари Лайонс

Судя по тому, как мальчик переключается на хамство, он постепенно приходит в себя, и убитая птица нервирует его уже не так сильно. Но, если исключить невежливый тон и не самую вежливую формулировку, то глобально мальчишка прав. Предложение Розмари и правда заметно отдавало нездоровым маньячеством, хотя на самом деле она, конечно же, ничего подобного не имела в виду. Британка кивнула, соглашаясь: — Ладно, ты прав. Пойдем организуем единичное захоронение. Подбери уже быстрее птицу, пока зрители не набежали.

Настойчивость Розмари мало-помалу сделала свое дело. Мальчик послушно наклонился, протягивая руку — и надо же было такому случиться, чтобы именно в этот момент птица ожила и забилась на полу.

— Ох, дьявол! — Розмари всплеснула руками, оказываясь в своем восклицании почти синхронной с шарахнувшимся мальчишкой. Движения птицы больше всего напомнили британке агонию — это не выглядело так, будто воробей выживет, а смотрелось ровно наоборот, словно он медленно и неотвратно умирает. Со вздохом Розмари согласилась: — Никогда не слышала, чтобы наши врачеватели откачивали птиц и прочую живность. Они и правда как-то больше по людям. Нас, возможно, с позором выставят вон, но попробовать мы все равно можем. Подбери уже птицу, черт, — это сделать нужно было при любом раскладе, вне зависимости от того, куда в итоге нести воробья, в лазарет или на кладбище. И Розмари продолжала настаивать на том, что мальчик должен сделать это своими руками, раз уж именно его неловкость привела к тому, что сейчас они вдвоем стояли над полумертвой птицей, мучительно соображая, что с ней делать.

Оливер Майерс

Чем дольше Оливер стоит над полумёртвой птицей, тем очевиднее ему, что идея с лазаретом —дохлая и нежизнеспособная. Какой бы оптимизм не пыталась тут источать белокурая ученица (и, вообще-то, у неё паршиво получается, вдохновитель из неё так себе), это ж сразу ясно, что из лазарета их прокатят. Велят юным скаутам не страдать дурью и не таскать к врачевателям любую одноногую собачку, потому что стало очень жалко.

Это ощущение только усиливается, когда Оливер всё же пытается наклониться за птицей ещё раз, чтобы хоть с какой-нибудь попытки уже поднять её с пола и начать наконец куда-нибудь двигаться.

Пальцы окатывает колючим холодом, и Оливер с оглушительной ясностью понимает: никуда они эту птицу не донесут, куда бы ни взялись тащить. Умрёт она на ладони, только и всего — у неё из клюва сочится кровь и тяжело, еле-еле вздымаются переломанные бока, и вопрос только в том, как долго ещё несчастный воробей будет мучиться.

Можно бесполезно таскать его туда-сюда, пока птица не издохнет сама, — или...

Внутри Оливера медленно зреет решение, тяжёлое и холодное, как камень.

Позволить воробью продолжать подыхать в агонии — или...

Это ведь просто птица, она и без того уже умирает, ну же, *или!*

Оливер до боли закусывает губу и наступает на воробья.

Крохотный комок перьев сминается под подошвой очень легко, без малейшего

сопротивления. Оливеру кажется, что он снова слышит нежный хруст птичьих косточек, его подташнивает и он самому себе отвратителен, но дело делать нужно. Мальчик садится на корточки и плохо слушающимися пальцами поднимает с пола теперь уже точно мёртвую птицу, параллельно напоминая белокурой ученице: — Где, ты говорила, можно лопату взять? Вот теперь у нас точно труп. Пойдём прятать.

Розмари Лайонс

— Давай, давай. Работа сама себя не сделает, — подогнала мальчишку Розмари. Он вроде бы и начинал понемногу сползать в нужном направлении, но больно уж долго раскачивался. Так и хотелось выписать ему целебного подзатыльника для ускорения, но лезть с руками Розмари не спешила. Она сильно подозревала, что тогда мальчишка может разораться, оскорбленный тем, как неласково посмели его трогать руками, и вообще никаких полезных телодвижений тогда не дождёшься. Лучше уж так, чем никак.

Мальчик тем временем продолжал невыносимо долго стоять над птицей внаклонку, а в заключение взял и попросту начал топтать воробья.

— Ты что! — прикрикнула было Розмари, но вмешиваться, по существу, было уже поздно. Много ли нежной пичужке надо. — Зачем это сделал? В первый раз недостаточно хорошо ударил? Решил исправить? — но, ори не ори, делу этим уже не поможешь. Теперь у них на руках действительно, как изначально и накаркали, был труп, и неплохо было бы с ним что-нибудь да сделать. Мальчик уже начал собирать растоптанные перья в ладонь, и британка не собиралась на его фоне замереть растопыренной статуей и торчать бестолково.

— Я пока ничего не говорила. Но всяческие лопаты точно есть в сарае. Пойдём, покажу, где именно, — откликнулась Розмари. Первой уверенно спустилась с террасы, показывая дорогу, но и на ходу не отцепилась от мальчика: — Так зачем ты это сделал? Теперь уже точно ты птицу убил, на несчастный случай теперь не спишешь, — Розмари, наверное, где-то и подозревала, зачем, да хотелось бы знать, что у мальчишки в голове на этот счёт. Пускай сам, своим ртом скажет.

Оливер Майерс

— Не учи меня жить, — неласково огрызается Оливер. Он и без того терпеть не может, когда ему непрерывно советуют под руку, что по делу, что впустую языком мелют, лишь бы молоть. А тут ещё такая нервная ситуация, что от непрошенных советов воротит вдвойне. Оливер вроде бы и понимает, что, с одной стороны, белокурая девушка явно старше него самого, и на этой почве имеет какое-никакое, а право порулить. Но в то же самое время — она тоже ученица, значит, они в одной весовой и правовой категории, и нечего пытаться друг другом командовать. И вся эта истерика, само собой, проистекает от мёртвого воробья на ладони.

Белокурая ученица зудит нравоучениями, почти не умолкая. Но, по счастью, не считает нужным делать это, стоя в позе Статуи Свободы, а потому мало-помалу они вдвоём куда-то да идут. За обещанной лопатой, тьфу, чёрт, вот тебе и томный вечер.

— Птица бы всё равно умерла. Только делала бы это долго, — хмуро и коротко

отвечает Оливер. Он бросает цепочку рассуждений повисать в воздухе, уверенный, что дальше девушка уж как-нибудь осилит её сама. Слова вроде "я её благородно добил, избавил от мучений" будут мальчику страшно не к лицу, они и так уже застревают в горле — выставять себя эдаким героем и спасителем не хочется вовсе. Какое-то время Оливер шагает молча, потом ему в голову приходит идея и немедленно оказывается на языке: — А может, тушку можно сжечь? И пепел развеять по ветру? Ну, или закопать, если ты принципиальный борец за экологию, там уже не суть важно. В общем, предлагаю сжечь, — способностей Оливеру должно с лихвой хватать на то, чтобы выполнить этот небольшой трюк. Вопрос лишь в том, насколько идею оценит его невольная поделница.

Розмари Лайонс

Мальчик начал огрызаться, но Розмари это не смутило. Ещё бы ему понравилось, как его обвиняют в том, что он толстокожий бегемот и бесчувственный огр, топчущий птиц направо и налево. Всё вроде логично, все в рамках нормы. Выждав, пока мальчик перестанет показывать зубы и требовать не учить его, Розмари настойчиво переспросила: — Так зачем? — её пугала мысль, что на месте того воробья запросто мог оказаться Ричи, если бы ему приспичило в очередной раз выбраться из клетки и размять толстый зад, полетав над окрестностями туда и обратно. Тогда собирать по полу пришлось бы не обычные серые перья, а трагически разноцветные. Это маленькое происшествие окончательно укрепило британку в том, что с клеткой пора что-то решать, пока попугай тоже не схлопотал где-нибудь трагический конец.

Мальчик тем временем перестал кусаться и кое-как выдавил из себя ответ. Который при всей своей невнятности оказался даже примерно правильным. Насколько это вообще возможно. Что-то такое девушка изначально и предполагала.

— Нет уж, жечь мы никого не будем, — энергично возразила Розмари, продолжая вышагивать в сторону сарая, уже зримо приближающегося. — Ты слышал когда-нибудь, как пахнут палёные перья? А труп, готова поспорить, и того хуже. Весь монастырь соберётся посмотреть, что за жертвоприношение мы тут организовали. Давай уж лучше по старинке, закопаем. А вот и волшебный домик с лопатами, выбирай любую, — указала Розмари на выросший перед ними сарай. Сама она заходить внутрь не планировала, ограничиваясь исключительно ролью командира и организатора процесса.

Оливер Майерс

Идея с маленьким погребальным костром кажется Оливеру отличной — есть в ней что-то величественное, от Вальхаллы и древних викингов — ровно до тех пор, пока белокурая ученица не начинает протестовать. Тут-то разом вскрываются все неприглядные минусы.

Которые, увы, оказываются настолько тяжеловесными, что мигом забивают собой мимолётный бонус величественности.

— А ты что, эксперт по палёным перьям? Я-то, знаешь ли, впервые в мёртвой птицей вожусь, мне такие подробности знать неоткуда, — дерзит Оливер, но рассказы насчёт сожжения всё же сворачивает. Раз будет горящим трупом вонять — чёрт, наверное, и правда будет, это звучит очень логично, — то смысла в таком

погребальном сожжении никакого. Всех в округе только оповестят, что в монастыре что-то сдохло, вот и все достижения. Со вздохом мальчик признаёт: — Ладно. Возвращаемся к первоисточнику. Лопата, говоришь. Ну, и где бы нам её взять?

Священное место хранения лопат отыскивается очень быстро, стараниями белокурой ученицы — вернее, она даже не ищет, а точно совершенно знает, куда топать. Следуя за ней по пятам, мальчик оказывается возле сарая, в который его уже посылают недвусмысленным повелительным жестом. Оливер на мгновение притворяется, что хочет сунуть убитого воробья в руки своей спутнице: — Ну-ка, поддержи-ка, — но лишь пугает, не рассчитывая на всамделишную помощь в этом вопросе, и проходит в сарай, так и держа мёртвую птицу в ладони.

Отыскать внутри лопаты оказывается очень просто. Вот они, вытянулись вдоль стенки во фронт, как на параде, бери любую, какая краше покажется. Оливер хватается ближайшую к нему, желая уже поскорее покончить с похоронами, а потому затрачивая минимальное время на выбор — какая к руке ближе, та и отличная. С лопатой наперевес Оливер возвращается к своей спутнице. И нетерпеливо кивает: — Ну, орудие труда я припёр. Дальше чего? Где копать предлагаешь?

Розмари Лайонс

— У меня есть попугай. Так что можешь смело считать меня экспертом по перьям, паленым в том числе, — невозмутимо ответила Розмари. Никакого посмертного сожжения с последующим развеиванием праха по ветру она допускать категорически не собиралась. Как бы мальчик ни горел идеей — а он, похоже, горел как раз не очень сильно, и настаивать на своём плане так уж яростно не собирался. — Ещё раз тебе говорю, что ничего и никого мы жечь не будем. Обойдёмся традиционным рытьем могилы. Шагай, пожалуйста, мы уже почти пришли.

Оказавшись возле сарая, мальчишка фокусничать не перестал и попытался всучить Розмари мёртвого воробья. Не то чтобы британка так уж ожидала от него именно этого жеста, но к чему-то подобному была готова, а потому успела вовремя спрятать руки за спину. И отрицательно помотала головой — нет уж, черта с два. Как решила ещё когда, что таскать трупы не занималась, так с тех пор существенно ничего и не изменилось.

В сарае мальчик пробыл очень недолго. Розмари на глаз показалось — ровно столько, сколько нужно, чтобы вцепиться в первую попавшуюся на глаза лопату, схватить и с ней выбежать наружу. Следом довольно ожидаемо последовал вопрос про "где копать". Розмари обвела задумчивым взглядом окрестности, отмела непрошеную хулиганскую мысль про огород — нет уж, там часто роются в земле и никто не обрадуется, обнаружив в грядке такое удобрение, так что давайте не будем, — и, не придумав ничего лучше, ткнула пальцем в сторону жилого корпуса и растущего там розового куста: — Вот под этим кустом давай. Надеюсь, никому потом не придёт в голову его пересаживать или ещё по какому поводу там в земле копаться.

Оливер Майерс

— Ещё скажи, что ты этому попугаю секущиеся кончики не подрезаешь, а поджигашь на свечке, — фыркает Оливер. Откуда бы ей ещё быть экспертом по

палёным перьям, если только она сама их не жжёт по вечерам. Последняя мысль тревожит даже не потому, что незамедлительно превращает белокурую ученицу в ту ещё фриковатую девчонку. Оливер напрягается и с глубоким подозрением интересуется: — Мы с тобой не соседи случайно?

Очень надо каждый вечер слушать, как она там у себя в комнате по тридцать восемь попугаев жжёт. Нет уж, спасибо.

Когда Оливер выходит из сарая с лопатой в одной руке и мёртвой птицей в другой, у белокурой ученицы на несколько мгновений становится такое лицо, словно она вообще не понимает, что им теперь со всем этим инвентарём теперь делать. Более того — словно раньше она не на миг и не задумывалась, что они будут делать дальше, а так, бездумно накидывала первые подвернувшиеся идеи.

— Где копать? — настойчиво и чётко повторяет Оливер. Лишь после этого девушка наконец отмирает и указывает пальцем на розовый куст.

О да, давайте похороним птицу в цветах, это будет славное прощание.

Правда, Оливер не возражает — ему банально нечем, альтернативных идей он предложить не в состоянии. Мальчишка подходит к розовому кусту, кладёт птицу рядом на траву и начинает ковырять лопатой неглубокую могилку. Белокурая ученица не делает ни одной попытки помочь, только маячит за спиной, сверлит назойливым взглядом. Это раздражает, и Оливер недовольно кидает ей через плечо: — Слушай, ну ты б хоть похлопала что ли. Всё равно рядом стоишь, так чего впустую топтаться.

Розмари Лайонс

— Ещё бы ты понимал что в попугаях, — хладнокровно отрезала Розмари. У мальчишки было не особо одухотворенное лицо человека, который в птицах разбирается весьма и весьма приблизительно. На уровне "та крупнее, эта мельче", с такими познаниями, какие уж ему попугаи, он небось ары от жако не отличит. Что один птица, что другой, велика ли для него разница. Словом, в этом плане Розмари в способности мальчика не верила совершенно. И только обрадовалась, когда юный падаван все же не стал разводить орнитологическую дискуссию и сосредоточился на более насущной проблеме.

Вот кстати, да, у них же тут похороны, языками трепать некогда. Сперва суровое дело.

Против кандидатуры розового куста в качестве места для могилки мальчик не возразил ни словом, принимаясь копать. Но очень быстро его взволновала вселенская несправедливость, согласно которой получалось, что он копал, а британка расслабленно стояла рядом и отнюдь не впахивала на рытье могил. Попытки её пристыдить Розмари совершенно не заметила, даже ухом не повела — мальчишка сам только одну лопату вытащил из сарая, пусть сам себе и предъявляет претензии; тем более, куда тут с двумя лопатами на одну крохотную птицу, — и возразила: — За что хлопать? За то, как ты якобы виртуозно копаешь? Нет уж, прости, это отнюдь не шесть-ноль, шесть-ноль. Шевелись уже быстрее, пожалуйста, до земного ядра докапываться не надо. Или сейчас придут мастера, и у них будут к нам вопросы.

Оливер Майерс

— Верно. Ни бельмеса в попугаях не смыслю и очень этому рад, — беспощадно отрезает Оливер. И даже хочет добавить, что лучше уж быть вообще никаким специалистом-орнитологом, чем таким, как белокурая мадемуазель, но вовремя одумывается. Всё-таки девушка ему помогает, пусть и делает это не самым ласковым образом.

Земля поддается легко, хоть Оливер, ошеломлённый чёрным абсурдом ситуации, ковыряет газон лопатой куда дольше, чем мог бы. В образовавшееся в результате его усилий углубление — даже "ямкой" это называть будет как-то громко — Оливер закидывает уже остывший птичий трупик, старательно не обращая внимания на запёкшуюся вокруг клюва тёмную кромку крови, и спешит забросать этот несчастный комок перьев землёй.

Двое будут молчать, а третий уже никому ничего не расскажет. Можно пытаться считать, что и не было ничего.

— Терпеть не могу птиц, — тяжело выдыхает Оливер и опирается на лопату. Стыдно сознаваться в этом самому себе, но мальчишку трясёт, колотит мелкой дрожью — пусть всего лишь птица, это всё равно живое существо, которое он угробил. Несознательно ударил, потом осознанно добил, в памяти снова всплывает нежный хруст тонких птичьих косточек, и Оливер усердно снова и снова вытирает подошву о траву, как будто на его обуви остались обличающие следы. — Глупые, дурацкие, глупые создания! Терпеть их не могу! — Только креста на могилке и не хватает, чтобы в сознании что-нибудь окончательно сломалось и поехало в разные стороны, пока же Оливер держится. И только, продолжая трястись, снова и снова докладывает белокурой ученице, как он ненавидит птиц. Всеми фибрами души, терпеть не может.

Розмари Лайонс

Розмари дрогнула плечом, не ввязываясь в дальнейший спор. Их разговор о попугаях постепенно становился каким-то бессмысленным и, что хуже, беспощадным, и чем раньше получится его свернуть — тем лучше. Пока взвинченный мальчишка не дошёл до того, что всех попугаев, без исключения и без разбора, нужно отстреливать ещё при рождении, вот тогда этому миру будет счастье.

Но, безусловно, огромным человеческим плюсом мальчишки являлось то, что он, несмотря на свое недалекое от истерики состояние, исправно продолжал делать что велели и трясущимися руками пытаться прокопать в газоне птичью могилку. Склонив голову набок, Розмари пристально следила за его успехами, готовая вмешаться и прийти на помощь, если мальчугана вдруг накроет окончательно. Но нет, ничего подобного не понадобилось. Мальчик проявил поистине образцовую выдержку. Сперва он с железной обязательностью сделал все, что от него требовалось, закидал мёртвую птицу землёй, и лишь потом наполовину обвис на воткнутой в землю лопате, заходясь крупной дрожью.

— Эй, а ну тихо! Всё, кончилось уже всё! — всполошилась Розмари и крепко обняла мальчишку, пытаясь успокоить. Мальчик неуклюже ворочался у неё в объятиях, все шаркал ногами об траву, словно до сих пор чувствовал на подошвах птичьи перья, и

Розмари, не с первого раза вырвав у него лопату, силком утащила парнишку в жилой корпус, его комнату. Методы успокоения, конечно, разные могут быть, но вот оставлять пацана биться в истерике над свежевскопанной птичьей могилкой — это точно было бы в корне неправильно.
